

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ВООБРАЖЕНИЕ И ПРАВИЛА ИГРЫ¹

*Игра в города: по материалам экспедиций в малые города
Беларуси. Сост., науч. ред. Т. Водолажская. Минск:
И.П. Логвинов, 2009. 218 с.*

Полагаю, надёжной установкой по отношению к этой книге будет считать её не столько встроенным в научные и академические диспозиции исследовательским текстом, сколько попыткой политизировать термины «город» и «городское развитие». Авторы старательно и убедительно показывают, что представленный в книге материал – это лишь один из результатов интенсивной интеллектуально-проектной биографии Агентства гуманитарных технологий (АГТ), а именно результат исследования условий, возможностей и экспериментов в русле культурной политики как программирования «жизни» норм культуры в их трансляции и реализации (с. 9).

Исходя из формулировки Владимира Мацкевича и Татьяны Водолажской во введении к изданию, реализация культурной политики предполагает работу с «материалом»² одновременно в пяти разных слоях, или планах. *Во-первых*, это план норм, эталонов, образцов и прототипов деятельности. *Во-вторых*, это план трансляции норм, эталонов и образцов деятельности. *В-третьих*, план ситуации, в которой реализуется деятельность. *В-четвёртых*, план реализации норм. *И в-пятых*, это план действий и актов деятельности (с. 13–14). Для авторов важно то, что деятельность в русле культурной политики должна происходить комплексно, то есть во всех пяти пластах одновременно, что также предполагает активное отношение исследователя к своей исследовательской проблеме.³ Другими словами, если мы оцениваем установки и результаты таких исследований,

«речь идёт не об объективной природе вещей, а о знаниях о сопротивлении материала тем или иным действиям» (с. 14).

В рамках данного проекта сопротивлением материала, по всей видимости, является сложность «реализации в Беларуси нормы городской культуры» (с. 18). В результате авторов не устраивают существующие определения города (дисципли-

¹ Рецензия Сергея Любимова опубликована в журнале *Палітычная сфера* (2010. № 15(2). С. 254–260).

² Здесь тем не менее не хватает чёткого определения того, что авторы понимают под «материалом».

³ Подробнее о последнем аспекте см.: Водолажская Т. Городские исследования в Беларуси: теоретико-методологические проблемы // *Палітычная сфера*. 2009. № 12. С. 40–42.

нарные или отраслевые), поскольку «все они применимы в ограниченной среде и могут противоречить друг другу», предполагая «некоторый набор характеристик, которые приписываются “городу” в той или иной ситуации, для решения тех или иных задач» (с. 19). Сами авторы предпочитают говорить о критериях «организации городской жизни, которая делает город городом» (с. 19). И, как объясняется далее, именно «многообразие образов жизни и их согласование образуют собственно городскую среду и городскую культуру» (с. 23).

Исходя из целей книги – а также её интеллектуального и деятельностного контекста – в рецензии будут реконструированы горизонты политизации терминов «город» и «городское развитие». Кроме этого, мы попытаемся оценить потенциал представленной модели политизации и определить её значение для актуальных городских исследований в Беларуси.

Что касается первого пункта, можно говорить о том, что базовым горизонтом политизации, которую предлагают авторы, является нормативное измерение модернизации, выражающееся в «смысле», или «идее», «города как такового». Это измерение является проблематичным в его приложении к «материалу», который исследователи нашли и с которым взаимодействовали в малых белорусских городах. Как пишут авторы, «идея города немыслима без прав и свобод горожан и без организованного ими самоуправления» (с. 22), которые ведут к определённым стандартам, где ключевыми являются категории «качество и образ жизни», а сами стандарты задаются практическим согласованием свойств этих категорий (с. 23). Из такой перспективы самым общим посылом книги является сообщение об эффектах властной вертикали, которые фиксируются и анализируются в масштабе малого города. Вертикаль в данном случае – сложившаяся в рамках государства иерархия социально-пространственных масштабов, которая воспроизводится и поддерживается установками и практиками социальных игроков и институтов. Значимость термина «вертикаль» в объяснении городской динамики Беларуси может частично оспариваться и детализироваться.⁴ Но в целом авторы исходят из того, что белорусский вертикальный тип городского развития относительно успешно решает запрограммированные задачи, но не предполагает актуализации белорусских «городов» в качестве городов, а «горожан» – в качестве горожан.⁵

Новизна подхода авторов заключается в том, что отчёты о восемнадцати экспедициях, а также попытки систематизировать данные (в подавляющем большинстве случаев качественные) по-

⁴ См., напр.: Егоров А. Малые города: Who governs? // Водолажская, *Игра в города*, указ. соч., с. 117–125.

⁵ Более подробно и доступно об этом в статье А. Егорова *История взлёта и падения Мстиславского феста* (которую можно было бы также назвать этнографическим пассажем); см.: Водолажская, *Игра в города*, указ. соч., с. 175–182.

зволяют реконструировать то, каким образом вертикальная модель организации реализуется в рамках отдельных населённых пунктов, а не между отдельными местоположениями (как это обычно представляется). В этом смысле *Игра в города* – это открытая база данных для многих типов читателей⁶, где отчёты и аналитические статьи (с. 116–182) должны служить толчком для дальнейших исследований и уточнения.

Тем не менее работа авторского коллектива с накопленной базой данных может быть предметом критики. Самая важная проблема видится в том, что нормативное измерение модернизации, в которое помещаются интеллектуальный и деятельностный планы реализации культурной политики в среде малых городов, во многом обедняет диагностику проблем урбанизации в Беларуси. В частности, авторы прилагают относительно мало усилий для того, чтобы концептуально «заземлить» в территориальных объектах конкретные наблюдаемые процессы, а книге не хватает размышлений о социальной структуризации пространства и обратном влиянии пространственных структур на социальные отношения. Кроме этого, при обсуждении уже сложившихся структур – например, отношения городов с другими территориальными формами (с. 154) – нормативное понимание города во многом блокирует дальнейшие рассуждения о качественных отличиях между различными социально-пространственными единицами и о необходимой «инфраструктуре» для поддержания этих отличий.

Восприятие пространственных структур как второстепенных по отношению к реализации «идеи города» выглядит радикально модернизационным. В таком случае категория пространства значит гораздо меньше, чем категория времени, и в результате выхолащивается конструкт города. К примеру, Оксана Шелест пишет о том, «что (в подавляющем большинстве случаев) город для его жителей является скорее “рабочей слободой”, чем собственно “городом”». И далее:

«В такой системе представлений обсуждение города как некоторой самостоятельной целостности, существование и развитие которой может зависеть не только от развития промышленности, которое зависит, в свою очередь, от системы распределения ресурсов на областном или республиканском уровне, становится невозможным» (с. 138).

В приведённом фрагменте поднимается вопрос негативного влияния вертикали, но автор его далее не развивает, удовлетворяясь фиксированием отсутствия нормы городской жизни. Тогда как специфика производства, сектора услуг, жилищной политики, бюджетной сферы и т. д., тесно связанная в Беларуси со спецификой функционирования вертикали, вполне может политизироваться

⁶ Например, статья А. Егорова *Малые города на фоне культурных катастроф* – вполне программный документ для городских элит; см. Водолажская, *Игра в города*, указ. соч., с. 146–151.

и требует подробного рассмотрения. А особенности организации производства, даже будучи единственными источниками представлений жителей о своём городе, вполне могут быть базовым каналом политизации.

Схожая взаимозависимость установок и практик в городской среде, с одной стороны, и общей системы воспроизводства пространства в Беларуси, в которую включена эта среда, с другой, являются и в историях «противостояния» Турова и Житковичей, Давид-Городка и Столина:

«Например, жители Давид-Городка уверены, что все их проблемы связаны с тем, что город не имеет районного статуса (и эта точка зрения не лишена оснований). Однако поскольку решение о районном статусе принимается на совершенно другом уровне, равнодушным к настоящему и будущему своего города людям остаётся только жаловаться на “историческую несправедливость” или писать обращения в различные властные структуры вплоть до президента страны с просьбами исправить положение (при этом понимая полную безнадежность этих действий). Обсуждать же какие-либо иные перспективы развития города до того, как будет решён “основной” вопрос, считается бессмысленным» (с. 138–139).

И здесь точно так же акцент на нормативности не позволяет исследователям пойти дальше и сконструировать условия возможности этого противостояния в его же терминах, т. е. в терминах организации пространства.

Отмеченная сосредоточенность авторов представленного сборника на нормативном аспекте города приводит к исключению анализа того, как своеобразие производства и структурирования пространства влияет на установки и действия (а не только наоборот). Это также приводит к склонности описывать то, чего участники экспедиций не нашли в среде малых белорусских городов, а не то, что нашли. По отчётам заметно, что исследователи ехали в населённый пункт с довольно жёсткими модернизационными установками и, таким образом, увидели именно то, что хотели видеть, т. е. определённый набор отклонений от «должного» функционирования городов. И описание, и концептуализация этих отклонений не всегда прозрачны: несоответствие нормам и эталонам очевидно, но что в реальности подменяет «ключевые нормы» – практически не анализируется. Иными словами, изначально сформулированные нормы развития городов блокируют попытки рассмотрения того, как города развиваются без этих норм, а белорусская модель урбанизации описывается скорее в терминах того, чего она не принесла.⁷

Более или менее сфокусированный качественный анализ конфигурации местной власти можно наблюдать только в отчёте о Поставах (с. 104–110). В остальных частях книги сложно найти про-

⁷ Хороший пример этому – отчёт о городе Дисна (с. 95–100).

зрачно представленные данные, которые позволяли бы полностью проследить, к чему именно приводит реализация вертикальной модели развития. Здесь интересными кажутся размышления об управлении зазором между «разрешённой» и «запрещённой» деятельностью как о ключевом моменте организации малых городов в целом, но им не хватает более подробного анализа данных, чтобы показать, каким образом достигается «беспроблемность» (с. 123–124). Полезным было бы более подробное рассмотрение реализации в городе международных программ (Глубокое, Брагин, Дисна) как важного фактора инструментализации такого «зазора». Скажем, в статье *Реализация и утилизация активности горожан* (с. 125–133), где приводится пример города Дисна, этот аспект кажется одним из ключевых, но практически не обсуждается. То же самое можно сказать о нехватке горизонтальных связей и доминировании вертикальных, что рассматривается во многих частях книги, но наиболее детально – в статье *Неправительственные организации: формы жизни и выживания* (с. 161–168), в которой Леонид Калитеня пишет:

«Основная проблема в том, что их участники не замечают друг друга, не видят в коллегах из другой организации потенциального ресурса, который мог бы быть использован ими для своей деятельности, они стараются выживать поодиночке, не объединяясь для решения каких-либо задач. Почти в каждом городе нам удавалось познакомить друг с другом представителей нескольких организаций или инициативных групп (в Щучине, Сморгони, Ганцевичах и т. д.)» (с. 165).

Более тонкое описание этого процесса открыло бы читателю многие интересные и менее диагностические детали касательно специфики встраивания неправительственных организаций в локальные сообщества. Дополнительным случаем может быть ситуация в Сморгони, где авторы обнаруживают «достаточно грамотную политику местных властей: в настоящее время никакого особенного прессинга с их стороны не испытывают даже наиболее известные из “бывших оппозиционеров”, им не мешают вести бизнес и т. д.» (с. 83). Интересным было бы дальнейшее исследование особенностей такого консенсуса, как и «утилизации» НГО и партий в Поставах (с. 107).

В результате, несмотря на органичное встраивание в концепцию книги в целом, а также значимость для дальнейших исследований белорусских городов, отчёты об экспедициях слишком описательны (часто похожи на заметки путешественников), а описываемые там сюжеты помещаются в слишком жёсткую схему интерпретации. Причём складывается впечатление, что эта ситуация является не столько результатом ограниченности в ресурсах исследовательского коллектива, на которую ссылаются сами авторы, сколько следствием того, что главным горизонтом для них является нормативное измерение модернизации, подтверждение чему можно найти как в обосновании проекта, так и в совсем мелких

деталей представления данных. К примеру, читателя с антропологическим бэкграундом очевидно будет раздражать навязчивое использование клише в духе «приличный ресторан» или «приличное кафе».

В то же время отчёты предлагают перспективу для дальнейшего размышления и генерирования понятий, особенно если описываемые там детали даются в исторической перспективе. Речь здесь идёт не об истории города в традиционном смысле, но о биографиях отдельных проектов, важных, с точки зрения авторов книги, для фиксации норм городской жизни или их отсутствия. Примеры – истории реабилитационного центра в Турове (с. 56–61) и дударской инициативы в Лепеле (с. 110–117), а также статья *История взлета и падения Мстиславского феста* (с. 175–182). Кроме того, эти биографии позволяют более надёжно судить о том, каким именно образом исследователи «воздействовали» на материал и каким образом в каждом конкретном случае «материал» сопротивлялся. Также неплохо было бы посвятить отдельную статью поведению информантов, например регулярному перенаправлению с вопросами в различные институции – «куда-нибудь повыше» (с. 88). Нечто подобное можно найти в статье О. Шелест (с. 139–140), а саму ситуацию рассмотреть в качестве дополнительного эффекта вертикали.

В целом, заявленные во введении подход и установка на деятельностное отношение к «материалу» во многом защищают исследователей от критики из перспективы, намеченной выше. Тем не менее обоснование исследования как «исследования действием» может притупить нашу чувствительность к тем терминам и горизонтам, в каких мы исследуем материал и воздействуем на него.

Проблемно-ориентированное исследование АГТ малых городов открывает перспективы для дискуссий и придаёт заметный импульс городским исследованиям в Беларуси. Вместе с тем такой подход настраивает нас видеть одно и упускать из виду другое, воздействовать на «материал» достаточно однобоко. Авторы говорят о способности культурного политика видеть ситуацию как целое:

«Место “непосредственного действия” культурного политика – тоже в ситуации [по отношению к традиционному политику. – С. Л.]. Но вот рефлексия требует охвата пространства норм, образцов, идеалов (пространства культуры), и пространства реализации (ситуации). В деятельность культурного политика включена и работа с нормами, и деятельность по их реализации, и работа по повышению качества материала для обеспечения реализации норм. Таким образом, культурная политика требует удержания большого числа объектов и видов деятельности, а также связей между ними» (с. 12).

Возвращаясь к вопросу о пространственном воображении: чтобы видеть ситуацию городского развития как целое, нужно не просто видеть идеалы и лакуны, где эти идеалы не реализуются. Нужно и более чётко прослеживать зависимость между закономер-

ностями развития социально-пространственных единиц, а также мотивациями и практиками тех, от кого это развитие зависит.

Наконец, призыв «думать Беларусь» не должен отвлекать нас от критического выбора, совершенствования и использования уже испытанных исследовательских стратегий: то, что мы мало знаем о белорусских городах, не значит, что мы ничего не знаем о том, как исследовать города в целом. В этом смысле книга стала бы ещё более сильным продуктом, если бы сумела нащупать и удержать компаративную перспективу. На данный момент ключевая компаративная перспектива в книге – это перспектива БССР/Беларусь.

Сергей Любимов

Опубликовано в:

Палітычная сфера. 2010. № 15(2). С. 254–260.